

ИЗ ОКНА ПОЕЗДА «МОСКВА – ГЖЕЛЬ»

Дождь пробежался по стеклу –
И разгулялся без предела...
Смотри! – как на чужом балу,
Черемуха в бесстыдно-белом...
Стоит, босая, на юру,
На кромке мокрого откоса,
И разметались на ветру
Ее распущенные косы.
А дождь – черемуху взашей!..
Картечью – да по нежной плоти...
...Торчат остовы камышей,
Как будто колья, из болотин.
В них время тонет без следа,
Бессмысленно и бесполезно...
Лишь в черных оспинах вода
Качается над топкой бездной.
Безмолвно промелькнул погост,
Пестря промокшими венками...
И храм кирпичный в полный рост
Взметнулся на бугре, как пламя.
Вагон простужено дрожит, –
Спасибо, что еще мы живы...
Там, за стеклом – другая жизнь!
И мы с тобою в ней – чужие...
Тогда – зачем? Тогда – куда
Путь отмеряют полустанки?...
Май, дождь, и в небе провода
Поют «Прощание славянки»...

ПУСТАЯ СКАМЕЙКА

Я – пустая скамейка
в холодном заброшенном сквере,
Где осыпаны щедро
Аллеи осколками лета,
Где деревья грустят,
Как о самой печальной потере,
О растерзанных ветром
Нарядах зеленого цвета.
Невозвратно размыты следы
На промокших дорожках.
Ни шаги не слышны,
Ни случайно ожившее эхо.
Мне кивает фонарь
И скрипит, как бездомная кошка,
Словно бросил хозяин на даче
И в город уехал.
Я – пустая скамейка.
Как будто ненужный свидетель –
Шепотков, поцелуев,
Признаний и чьих-то сомнений.
Надо мною береза
Раскинула бережно плети
Обнаженных ветвей,
Укрывая от хмари осенней.
На кого мне пенять,
Что вокруг – беспросветно и серо?
Что так хочется выть
От тоски и глухого безделья?..
Я – пустая скамейка
В глубинке замерзшего сквера,
Где одни сторожа,
Да и те – то пьяны, то с похмелья...
Я – пустая скамейка...

РАССТАВАНИЕ

Зачем же вы пришли ко мне?
Стучали в запертые двери...
Звонок надрывно, как истерик,
Кричал в кромешной тишине.
Но – ни ответа, ни огня...
Печально охали ступени
Тогда, когда в недоуменье
Вы уходили от меня.

Неугомонные ветра
В мои заглядывали окна.
И от росы вечерней мокла
Скамейка посреди двора.
Я вас ждала еще вчера.
Но, праздничные сняв одежды,
Смела разбитые надежды
В бездонность гулкого ведра.
Простите – так, как я прощу
За все, что не смогло случиться,
И с легким сердцем, словно птицу,
Я вас на волю отпускаю...

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Время, нас не жалея,
свои расставляет отметки.
Каждой шельме:
кому – по инсульту, кому – по инфаркту.
Вот сижу, вспоминаю:
Пила ли я утром таблетки?
Слишком много сегодня
Поставлено мною на карту.
Я умом понимаю,
Что все в этом мире – не вечно.
Жизнь похожа
На чьей-то рукою раскрученный глобус.
И в назначенный час
Подберет и меня на конечной
Остановке последний,
В гараж уходящий автобус.
Будут в окнах мелькать,
Словно слайды, любимые лица.
Как немое кино,
Где ни смеха не слышно, ни речи.
Хорошо, если мне
Напоследок позволят проститься.
Только жаль, что уже
Не сказать, как обычно: до встречи!
Что-то я не о том!
Я ж хотела шутить про таблетки!
Мол, у нас медицина
В другую эпоху шагнула...
Ах, как хочется жить!..
Зеленеют озябшие ветки,
И сквозь щели окна
Так настырно весной потянуло...

ДЕРЕВНЯ

Я думала, что ты жива,
Моя далекая деревня...
Но в пояс выросла трава,
Согнуло временем деревья.
И нет ни эха, ни следа
В нетронутой дорожной пыли,
Как будто люди никогда
Еще сюда не приходили.
И где искать его, тот след?
Растаял, словно снег вчерашний.
Здесь дом стоял, где жил мой дед,
Обычный сын сохи и пашни.
Он верил, что живет не зря...
Как все, двадцатым веком болен,
Кричал: «Долой! Долой царя!»
И рушил главы колоколен.
Он свято верил: день придет –
Свободный, сытый и счастливый...
Но кровью обернулся пот,
Пролитый им на хлебной ниве.
И нет ни дома, ни плетня.
Не слышно голосов и песен.
Давно разъехалась родня
По дальним городам и весям.
Могилы заросли травой,
Корнями сосен стали кости.
Я – с непокрытой головой
В деревне, словно на погосте...

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

Не война и не голод,
А деревни пусты...
В щели сгнившего пола
Прорастают кусты.
Перечеркнуты окна.
От дождя, как от слез,
Стены ветхие мокнут
Под рыдания гроз.

Дверь – зияющей раной,
И никто не войдет.
Зарастает бурьяном
У реки огород.
На забытых погостах –
Молчаливая стынь.
Чернью, словно коростой,
Затянуло кресты.
А в церквушке разбитой –
Запустенье и тлен...
Лики светлые смыты
Непогодой со стен.
На церковном пороге
Поднялась лебеда.
И на старой дороге –
Ни следа, ни следа...

О ЖУРАВЛЯХ И СНИЦАХ

Он – мужик ничего.
Простоват, но бывает и хуже.
Он не курит, не пьет и на стареньком ездит авто.
И не мальчик давно,
но ничьим не считается мужем.
Видно, что-то не так...
Значит, все-таки что-то не то.
Мне друзья говорят:
что ты ждешь журавля в поднебесье?
Коль синица в руках, так держи ее, крепче держи!
Бросишь горстку пшена –
пусть поет тебе звонкие песни...
Журавли в облаках – это все миражи, миражи.
Что мне песни чужие! Сама не без голоса вроде...
И не жалко пшена – просто с детства синиц не люблю.
И пускай журавли с их курлыканием нынче не в моде,
Можно, я погрузу по летящему вдаль журавлю?
Нас, конечно же, мамы для счастья земного рожали.
И ничьей нет вины, что найти мы его не смогли.
Дело, видимо, в том, что поэты живут миражами,
Что зовут за собой в необъятный простор журавли.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С КРЕСТНОГО ХОДА

Обратный путь всегда короче...
Вперед – и с Богом, не боясь.
Шагал в промокшей рясе отче,
Меся ногами бодро грязь.
Он только отслужил молебен,
Как раз меж двух дождей успев.
... Черно теснились тучи в небе,
Грозя излить на землю гнев.
Кричали радостно пичужки,
Едва роняло солнце свет.
И из последних сил старушки
За батюшкой спешили вслед.
Но небо рухнуло стотонно...
И, слепо двигаясь вперед,
Нет, не себя, – они иконы
Спасали от безумных вод.
Дождь разошелся, громогласен,
По лицам и ногам хлестал,
Но, как за полководцем в рясе,
Шагала армия Христа.
Свой путь для каждого отмерен.
Греховный, праведный, но – свой.
Но этой непонятной вере
Я все ж завидую порой.

